

Война

Современная Европа представляет собою крайне печальное и назидательное зрелище. С одной стороны, царит вечная сутолока дипломатов и маклеров, увеличивающаяся с головокружительной быстротой, как только почуетя запах пороха на старом континенте. Заключают, расторгают союзы; как скотом, торгуют людьми, чтоб обеспечить себе союзников. „Столько-то миллионов голов гарантируем мы вам, столько-то десятин пастбищ, такие-то порта для вывоза шерсти“, говорят они, искусно обманывая друг друга в этой купле и продаже. Вот что называется дипломатией на их политическом жаргоне.

С другой стороны, вооружение растет без конца. Каждый день нам приносит новые усовершенствованные способы истребления себе подобных, новые расходы, новые займы, новые налоги. Кричать о патриотизме, распространять шовинизм, разжигать вражду между народами стало самым выгодным занятием политики и журналистики. Не щадят даже детства: наряжают ребятишек солдатами, дают им оружие и вселяют ненависть к пруссаку, англичанину, итальянцу. Внушают слепое повиновение существующему правительству, будь оно черное, белое или синее. Когда же этим детям минет двадцать один год, их, как вьючных животных, нагрузят патронами, провиантом, утварью, дадут в руки ружье и заставят маршировать под звуки труб. Они будут по первому приказанию убивать друг друга, душить, как дикие звери, никогда не спрашивая себя, к чему, с какою целью? Будут ли перед ними голодные бедняки немцы, итальянцы или даже собственные братья, доведенные до восстания нуждой и голодом — раздалось приказание, прозвучали трубы — надо убивать!

Вот к чему сводится вся мудрость наших правителей! Вот, что они способны дать нам, в то время, как угнетенные труженики всех стран протягивают друг другу руки через границы!

„А! вы не хотели социализма, — так у вас будет война, война, продолжающаяся тридцать, пятьдесят лет!“ — говорил Герцен после 1848 года. Его предсказание сбылось; если гром пушек и умолкает на время, то вскоре он раздастся с новою силой в другом месте. Европейская война — всеобщая хватка всех народов — угрожает вам вот уже десять лет, и никто не знает, за что придется драться, с кем, с какою целью, во имя каких принципов?

В прежнее время, если и бывали войны, то, по крайней мере, знали, для чего идут на смерть. — „Такой то царь обидел нашего, — отомстим ему, истребим его подданных!“ — „Такой то император хочет отнять у нашего его провинции — умрем, но сохраним их Его Величеству!“

Сражались из-за соперничества царей. Это было глупо, и цари не могли найти для войны больше нескольких тысяч человек.

Но теперь, чорт знает, во имя чего, целые народы накидываются друг на друга, как дикие звери!

С царями не считаются больше в вопросах о войне. Виктория не обращает внимания на обиды, щедро расточаемые ей во Франции; чтоб отомстить за нее, англичане не двинут пальцем; а, между тем, можете-ли вы утверждать, что через два года англичане и французы не передушат друг друга за преобладание в Египте? — То же самое на Востоке... Как в России, так и в Англии, как в Германии, так и во Франции больше не сражаются для удовлетворения капризов королей. Теперь сражаются за неприкосновенность доходов, за рост капиталов всемогущих господ Ротшильдов, Шнейдеров, за благосостояние баронов капитализма и промышленности.

Соперничество королей заменилось соперничеством буржуазных обществ.

Правда, говорят еще о „политическом преобладании“. Но переведите метафизическую сущность этого понятия на язык действительных фактов, проследите, как проявляется сейчас в Германии политическое преобладание, и вы увидите, что дело идет исключительно об экономическом преобладании на международных рынках. Германия, Франция, Россия, Англия, Австрия стремятся сейчас не к военному господству, а к господству экономическому. Они стараются завоевать себе право предписывать свои таможенные тарифы, навязывать свои товары, эксплуатировать народы, отставшие в промышленности; они стремятся оставить за собой привилегию строить железные дороги в тех местностях, где их нет, и под этим предлогом становиться хозяевами рынков; наконец, они хотят присвоить себе право от времени до времени отнимать у соседей то порт, для поднятия своей торговли, то провинцию, для сбыта излишка своих товаров.

Мы сражаемся теперь, чтоб обеспечить нашим крупным промышленникам тридцать процентов прибыли, баронам капитализма — господство на бирже, акционерам рудников и железных дорог — ежегодный доход в сто тысяч франков. Если-бы мы были более или менее последовательны, мы заменили-бы орлов наших знамен золотыми тельцами, старые эмблемы — мешком золота, названия наших полков, заимствованные некогда у принцев крови, — именами принцев промышленности и капитализма: „третий Шнейдер“, „двадцатый Ротшильд“. Мы знали-бы, по крайней мере, тогда, из-за чего мы убиваем друг друга.

Открывать новые рынки, навязывать свои товары, хорошие или дурные, — вот что составляет основу современной политики, европейской и континентальной, вот настоящая причина войн девятнадцатого века.

В прошлом столетии Англия первая положила начало обширной промышленности и экспорту. Она притянула своих пролетариев в большие города, обучила их усовершенствованным ремеслам, неимоверно увеличила производство и сосредоточила в своих магазинах целые горы предметов. Но эти товары не были предназначены тем голышам, которые их производили. Получая ровно столько, чтоб не умереть с голода и размножаться, — что могли купить те, которые всю жизнь ткали шерстяные и льняные материи? И английские корабли, рассекая океан, шли искать покупателей на европейский континент, в Азию, Австралию, Америку, нигде не находя себе конкурентов. Ужасная нищета царила в городах, а фабриканты и купцы увеличивали с каждым днем свои доходы. Богатства, выманенные за границей, сосредоточивались в руках немногих, а экономисты континента восхваляли англичан и приглашали своих соотечественников следовать их

примеру.

В конце прошлого века Франция вступила на тот же путь. Она принялась за организацию обширного производства с целью экспорта. Революция, переместив власть, притянув в города деревенских босяков и обогатив буржуазию, дала новый толчок экономической эволюции. Английская буржуазия возмущалась этим гораздо сильнее, чем всеми республиканскими декларациями и кровью, пролитой в Париже; поддерживаемая аристократией, она объявила войну французским буржуа, которые грозили закрыть английским продуктам все европейские рынки.

Исход этой войны нам известен. Франция была побеждена, но она отвоевала себе место на международных рынках. Английская и французская буржуазия заключили даже на время трогательный союз: они признали друг друга сестрами.

Производя для экспорта, Франция стремилась захватить все рынки, не считаясь с тем, что промышленный прогресс растет с каждым днем, распространяясь с Запада на Восток и завоеывая все новые страны. Французская буржуазия ничем не брезгала, чтоб увеличить свои доходы. В течение восемнадцати лет она была под сапогом Наполеона III и молчала в надежде, что этот узурпатор сумеет подчинить всю Европу своим экономическим законам. Но когда она поняла, что он на это не способен, она восстала и отвергла его.

Нарождающаяся страна, Германия, ввела у себя тот же экономический режим. Она обезлюдилась свои деревни и собрала бедняков в города, население которых в несколько лет удвоилось. Она принялась за обширное производство. Её промышленность, вооруженная усовершенствованными орудиями, поддерживаемая наукой и техникой, начинает вырабатывать целые груды продуктов, предназначенных для экспорта и обогащения господствующих классов. Капиталы накапливаются и ищут выгодных помещений в Азии, в Африке, в Турции, в России. Берлинская биржа соперничает с парижской и хочет господствовать над ней.

Из недр немецкой буржуазии вырывается крик: объединимся под каким-бы то ни было знаменем, будь то даже прусское, и воспользуемся своей силой, чтобы навязать соседям свои продукты, свои тарифы, чтоб завладеть удобным портом на Балтийском или Адриатическом море! Уничтожим военное могущество Франции, которая двадцать лет тому назад угрожала подчинить всю Европу своим экономическим законам, угрожала продиктовать последней свои торговые договоры.

Следствием этого явилась война 1870 года. Франция потеряла свое преобладание на рынках; теперь Германия старается овладеть им и с неутолимой жадностью наживы стремится расширить свою эксплуатацию, не считаясь с кризисами, крахами и нищетой, подрывающими её экономический строй. Берега Африки, нивы Кореи, равнины Польши, степи России, покрытые розами долины Болгарии, — все возбуждает алчность немецких буржуа.

И каждый раз, как немецкий торговец видит невозделанные долины, города с незначительной промышленностью, мертвые реки, сердце его обливается кровью,

воображение рисует ему заманчивые картины: он представляет себе, сколько золота можно добыть, обрабатывая эти естественные богатства, как легко поработить жителей этих местностей силою капитала. Он клянется ввести „цивилизацию“, т. е. эксплуатацию на Востоке. В ожидании этого, он пробует навязать свои товары, свои железные дороги Италии, Австрии и России.

Но эти государства в свою очередь освобождаются от экономической опеки соседей. Они входят понемногу в круг „промышленных“ государств, и их молодая буржуазия не откажется от экспорта, чтоб увеличить свои доходы. В несколько лет Россия и Италия сделали поразительные успехи в развитии промышленности.

Крестьяне, доведенные до самой ужасной нищеты, не в состоянии ничего покупать, и потому русские, австрийские и итальянские фабриканты производят для экспорта. Им тоже нужны рынки, и так как европейские заняты, они набрасываются на Азию и Африку, ежеминутно готовые дойти до драки, когда приходится делить большие барыши.

Какой союз может существовать при современном положении, созданном тем характером промышленности, который придали ей её организаторы? Союз Германии и России — дело приличия. Императоры могут лобызаться, но нарождающаяся буржуазия России не перестает ненавидеть от всей души немецкую буржуазию, которая ей платит тем же. Вспомните крик бешенства, поднятый всей немецкой прессой, когда русское правительство увеличило на одну треть свои ввозные пошлины.

„Война с Россией“, говорят немецкие буржуа и сочувствующие им рабочие, „была-бы у нас гораздо популярнее, чем война 1870 года!“

А пресловутый союз между Германией и Австрией, разве он начертан не на песке? Далеки ли эти державы, вернее, их буржуазия, от серьезного конфликта по поводу тарифов? Даже близнецы, Австрия и Венгрия, готовы каждую минуту объявить друг другу войну из-за тарифов, так как их интересы при эксплуатации южных славян диаметрально противоположны. Да сама Франция страдает не мало от разногласий по тарифному вопросу.

Вы не хотели социализма, так у вас будет война. Война продолжится тридцать лет, если новая революция не положит конца этому бессмысленному и гнусному положению. Но заметьте: третейский суд, политическое равновесие, отмена постоянных войск, разоружение — все это красивые мечты, не имеющие никакого практического значения. Только революция, которая пересоздаст весь промышленный строй и сосредоточит в руках производителей общественные богатства, орудия и машины, положит конец этим войнам из-за рынков.

Труд каждого для всех и всех для каждого — вот единственное средство, способное принести мир всем нациям. Человечество не в силах более переносить гнета господствующих классов, завладевших всем общественным достоянием; оно настоятельно требует полного преобразования всего социального строя.